

Литературная газета

№ 49 (540)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Среда, 4 сентября 1935 г.

Париж. „Юманите“.
Кашену, Торезу, Кутюрье.

Копия Москва. „Правда“.

Скорблю вместе с вами по случаю кончины нашего друга, друга рабочего класса Франции, достойного сына французского народа, друга трудящихся всех стран, глшатая единого фронта трудящихся против империалистской войны и фашизма, — товарища Анри БАРБЮСА.

Пусть его жизнь, его борьба, его чаяния и перспективы послужат примером для молодого поколения трудящихся всех стран в деле борьбы за освобождение человечества от капиталистического рабства.

И. СТАЛИН

ПАМЯТИ АНРИ БАРБЮСА

Трудящееся человечество потеряло пламенного борца за дело мира, борца против войны и фашизма, крупнейшего писателя-коммуниста Франции, друга великого Советского союза, замечательнейшего человека Анри Барбюса.

Он умер в Москве — столице трудящихся мира — накануне Междуна. родного юношеского дня, когда счастливое племя советской молодежи празднует свою победу, плещет молодостью и восторгом на улицах городов и сел нашей родины.

Он умер накануне дня, символизирующего молодость, счастья и радость освобожденного человечества социалистической страны, противостоющей миру насилия, произвола, ширящества, дикости, войны, истребляющих трудящихся и угнетенное человечество. Достойный сын французского народа, народа якобинцев и ларижских коммунаров, он отдал свою жизнь непримиримой борьбе со всеми силами старого мира, за победу социализма на каждой пади земли.

Он умер полный уверенности в победу трудящихся, ибо знамена борьбы, под которыми боролся он, находится в надежных, опытных и бесстрашных руках.

Путь к коммунизму товарища Барбюса сложный и противоречивый. Свою писательскую деятельность он начал сорок лет назад сборником стихов «Планальци». Чуткий и отзывчивый поэт, он замкнулся в мир усложненных психологических суб- ультивных переживаний, ограждая себя от ужасов, пороков, пошлости буржуазного мира.

Он не был мастером стиха, как Бодлер или Малларме, он не оттачивал подобно прозаическим произведениям Анаполи Франсуа, но он впитал в себя богатейшую художественную культуру блестящих французских писателей и создал незабываемую в истории мировой литературы книгу «Огонь».

Увлеченный патристическими иллюзиями, он пошел на фронт, «будучи самым мирным, скромным, законопослушным мелким буржуа», как характеризовал этот период его жизни В. И. Ленин. Он сделался «рядовым одного звзда». Заброшенный в близидеи и траншеи вместе с тридцатью миллионами эксплуатируемых трудящихся, одетых в солдатские шинели, он переживал с ними нечеловеческие страдания, ужасы людей, захваченных в кровавую истребительную машину войны. Утонченный писатель, интеллигент, борец за абстрактную, эстетическую правду, он создал потрясающей силы человеческий и художественный документ — книгу «Огонь». («Дневник одного звзда»), книгу, которая, по за-

явлению Анри Барбюса, помогла объединить международные революционные силы, «борвавшиеся против войны», она «явилась связующим звеном, давшим надежду тем, кто ее потерял». Эта книга — обвинительный акт против всей капиталистической системы. Эта книга разоблачала ужасы и бессмысленность массового убийства людей, пронзимо-го новейшими методами машинной техники. Она призвала к вооруженной борьбе против войны, она объявила войну войне.

Анри Барбюс пришел к революции, пришел к коммунизму. В 1922 году он вступил в коммунистическую партию. Он понял, что против капитализма, против империалистических войн, опасность которых все возрастает, нужно бороться не только словами, но и делами. Нужно организовать все живые силы, способные бороться за счастье человечества, за культуру, против истребительных империалистических войн.

Борец, трибун и художник явился в Барбюсе живая и яркое воплощение. Колоссальная литературно-политическая и организационная работа направил на копечившие силы западно-европейской интеллигенции в сторону коммунизма. Его голос мужественно звучал за коммунизм против капитализма в группе французских художников и писателей «Clarté». Он выступил одним из первых в те дни, когда буржуазия перешла к открытой форме своей диктатуры — фашизму, в защиту единого фронта борьбы против фашизма и войны.

В борьбе за культуру человечества, против варварства и фашистской дикости он выступал активно на митингах, конференциях, демонстрациях, конгрессах защиты культуры, как непосредственный организатор всего этого антифашистского движения.

Он был самым близким другом Советского союза. Как всякий подлинный революционер, он нашел здесь свою родину. Он внимательно следил за всеми изменениями, происходившими в нашей стране, радовался каждой нашей победе. Его как художника вдохновляла наша героическая борьба, он восхищался мужеством, мудростью, простотой и гениальностью вождя всех трудящихся мира Т. Сталина, образ которого создад он на страницах одной из своих последних книг.

Тяжела потеря. Безмерно чувство горячи и скорби. Но «его жизнь, его борьба, его чаяния и перспективы послужат примером для молодого поколения трудящихся всех стран в деле борьбы за освобождение человечества от капиталистического рабства» (И. СТАЛИН).

АНРИ БАРБЮС



ГЕОРГИЙ ДИМИТРОВ

СТРАСТНЫМ БОРЕЦ ПРОТИВ ВОЙНЫ И ФАШИЗМА

В лице Анри Барбюса мы потеряли не только замечательного писателя, но и великого борца за дело освобождения всех угнетенных мира, за дело социализма.

Если бы меня попросили показать подлинно передового писателя капиталистических стран, сочетающего высокое художественное мастерство с активной поддержкой освободительной борьбы миллионов, я без колебаний указал бы на Барбюса.

Барбюс ясно понимал, что художественное творчество должно быть поставлено на службу трудящегося человечества, борющегося за свое освобождение от неа капитализма, и что настоящий художник не может стоять в стороне от этой великой освободительной борьбы.

Барбюс не ограничился тем, что написал прекрасный роман, направленный против империалистической войны, — «Огонь». Нет, он воспылал лучшей своей силой и способностью непосредственно бороться против войны на стороне пролетариата, на стороне Советского союза как олоца мира.

Ему принадлежит идея созыва мирового антифашистского конгресса в Амстердаме в 1932 г. И он умер на посту как председатель всемирного комитета борьбы против войны и фашизма.

Лучшие заслуги Барбюса в деле разгрома фашизма и в борьбе против империализма велики. Первый серьезный толчок в направлении созидания единого фронта был дан как раз на антифашистском конгрессе в Амстердаме.

Трудно примириться с мыслью, что этот человек необычайно кипучей энергии, лишь несколько дней назад делавший с нами своими новыми идеями и планами дальнейшего раз-

вертывания антифашистского движения, сегодня мертв, и в Париж будут привезены лишь его последние останки.

Не только трудящиеся Франции, великим праздником которой является Барбюс; не только трудящиеся Советского союза, верным другом которого он всегда был, весь мировой пролетариат и его авангард — Коммунистический Интернационал — склывают свои боевые знамена перед великой памятью Барбюса и вступают с еще большей энергией и решимостью единым фронтом бороться против фашистских и империалистических поджигателей новой войны, за сохранение мира, за победу социализма.

Имя Барбюса будет eternally гореть буквами на знаменах миллионов, борющихся против старого мира — мира эксплуатации, рабства и грабительских войн.

М. ГОРЬКИЙ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ

Когда уходит из жизни — перестает работать — борец за всемирное дело пролетариата, не хочется сказать: он умер. Чувствуешь, что не верно это. Для таких людей, как Анри Барбюс, день смерти является началом итога их работы, началом расширения и усиления ее революционной значимости.

В ближайшие дни пред строителями нового мира встанет во весь рост и в ярком освещении один из замечательных людей и талантливых литераторов, которые решительно связывают свою жизнь с жизнью интернационального пролетариата и служат делу созидания боевого единого фронта против преступной и назлой палки организаторов новой мировой войны, против людей, которые ищут на свою последнюю карту — на мелкую буржуазную, на мянчатую — воюющую грязь земли, напыленную деятельностью капитализма и организующуюся как фашизм, — бездарный выдумка старчески разжиженного гнилого мозга.

В книге «Огонь» Барбюс один из первых ярко осветил преступные империалистические войны 1914—1918 гг. Барбюс был одним из первых, кто указал интеллигенции Европы дорогу к тесной, героической работе среди пролетариата, к работе

которая диктуется всей историей проломо. Только эта работа открывает возможность неограниченного развития талантов и дарований, только она обеспечивает широкий, свободный рост интеллектуальной энергии, преобразующей мир.

Молодые литераторы Союза советских социалистических республик, провозгласившие ушедшего от них бойца против мерзости мира, должны многократно заместить Анри Барбюса, должны воспылать в своей среде деятельности таких деятелей революции, каким был Анри Барбюс.

В ЭТИ СКОРБНЫЕ ДНИ...

У ГРОБА.

Большой зал Консерватории утопает в цветах. Венки от ЦК ВКП(б) Французской компартии, МОПР, ВОКСО, от Союза советских писателей, от Горького, Шверника и Сталиной и множества других людей и организаций.

По одному только надиасм можно воостановить весь путь Барбюса — человека, художника и борца. Десятки тысяч трудящихся Москвы прошли в эти дни перед гробом нашего великого друга. Под рыдающие звуки траурных симфоний проходили старые большевики и коммуниеры, люди искусства и строители, академики и вузовцы, проходили трудящиеся и ударники социалистических полей, учителя и политические деятели, красноармейцы и политдемаршанты, политзаключенные и личные друзья.

В почетном карауле в зале можно было видеть в эти дни людей, чья имена широко известны всей нашей стране. Вот один из ближайших соратников покойного — Андро Мартин, чья жизнь также овеяна кровавой революционной борьбой; вот гаш гость, любимый поэт народных

масс Германии, пламенный обличитель гитлеровского режима — Эрих Вейнерт; седельная голова Мануильского, мужественный облик Вильгельма Пина; в почетном карауле сменяют друг друга советские писатели и руководители ССР — т. А. Шершов, М. Нольцов, В. Киришон, Шербаков, Е. Стасова, Булганин, Хрущев; в течение пяти минут стоят на траурной вахте т. Молотов, Каганович, Чубарь и Михаил. Попорачивая с замечательным человеком и борцом пришла большая колонна морювцев, советские писатели и близкие соратники.

Неожиданно вырывается мощные звуки «Интернационала»: т. Мартин, Колцов, Стацкий, Булганин, Шербаков, Киришон поднимают гроб и направляют к выходу. На улице — возмущающее зрелище: десятки тысяч трудящихся пришли водить последние почести революционеру и художнику Барбюсу. Сотни траурных знамен, сотни портретов, с которых на всю эту массу смотрит аристократическое лицо Барбюса. Высоко над палками раздается рожок воздушной эскадрильи, сопровождающей весь этот печальный cortege. Десятки тысяч людей вливаются в шествие, направляющееся к Белорусско-Балтийскому вокзалу. Улица Горького затоплена народом. Траурный марш Шопена звучит беспрерывно.

Точно в 9 час. тов. Булганин поднимается на трибуну, орожающую на площади Белорусско-Балтийского вокзала, и объявляет траурный митинг открытым. Тов. Булганин говорит о скорби, охватившей широкие народные массы при известии о смерти Барбюса. Он говорит об этом имени, как о неумирающем символе борьбы с поработителями человечества, как о знамени, под которое должны собираться все лучшие представители мировой интеллигенции.

Москва, „Литературная газета“

ПОТЯСЕН СМЕРТЬЮ НАШЕГО ДО РОГОГО ТОВАРИЩА АНРИ БАРБЮСА.

РОМАН РОЛЛАН

КАК И ТРУДЯЩИЕСЯ СССР, ВСЕ РАБОЧИЕ И ТРУДОВАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ФРАНЦИИ ОПЛАКИВАЮТ АНРИ БАРБЮСА — АПОСТОЛА НОВОГО МИРА.

ВИКТОР МАРГЕРИТ

СМЕРТЬ БАРБЮСА — ТЯЖЕЛАЯ ПОТЕРЯ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛЕВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ГЕНРИХ МАНН

Мое пребывание среди вас омрачается глубоким горем. В лице Анри Барбюса мы, революционные художники Франции, теряем большого друга и защитника. Присоединяюсь к глубокому трауру, который несет мировой пролетариат утратившего и физического друга.

Жизненный путь Барбюса будет и дальше вдохновлять нас на борьбу с фашизмом и войной, за торжество дела Ленина — Сталина.

ЖАН ЛИПШИЦ

СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР с глубокой скорбью извещает о безвременной кончине АНРИ БАРБЮСА, большого писателя, пламенно-го революционера, неутомимого борца против войны и фашизма, защитника культуры, преданного друга трудящихся нашей страны и советских писателей.

Вест о смерти Анри Барбюса гл боно потрясла секретариат МОПР. Умер первый, величайший среди писателей мировой литературы борец против империалистической войны, первый, вписавший политическое имя Карла Либкнехта на знамени искусства, которое он поднял с оного и могил, обгаренное кровью, и за которым многие из нас следуют с тех пор.

Умер первый международный поэт и борец за СССР, его великий друг. Умер один из первых борцов за справедливость, за свободу Димитрова и Тельмана.

Умер художник и писатель, чье перо обладало силой молнии. Поднимем выше знамя, выпавшее из рук его!

БОЯРСКИЙ, БРЕХТ, ВАНГЕНХЕЙМ, ВОЛЬФ, ГАЙЗЕГЕМ, ДИАМЕНТ, проф. ДАН, ЭЙСЛЕР, ИВЕНС, МЕЙЕРХОЛЬД, МУССИНАК, ПИСКАТОР, ПИК, ПОДОЛЬСКИЙ, РАЙХ, СЕНИ САНО, САБО, ТАМРОВ, ХИДЖИКАТО.

Глубоко скорбим о смерти замечательного мирового писателя, бойца за дело революции социалистического искусства. Склоняем головы перед прахом Анри Барбюса.

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ПИСАТЕЛИ.

ЭРИВАНЬ. Глубоко потрясены смертью Анри Барбюса.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ АРМЕНИИ.

АЛМА-АТА. Советские писатели Казакстана глубоко потрясены смертью Анри Барбюса, виднейшего писателя, преданного друга трудящихся Советского союза, неутомимого борца за дело освобождения угнетенных народов всего мира от рабства капитала.

ПРАВЛЕНИЕ ССР КАЗАКСТАНА.

ТАШКЕНТ. С глубоким прискорбием писатели Узбекистана узнали о смерти выдающегося писателя-коммуниста Анри Барбюса. Мировая революционная литература в лице Барбюса понесла тяжелую утрату. Мы склоняем наши головы над могилкой пламенного борца против поджигателей войны — фашистов. Мы поднимем выше наше знамя борьбы, знамя социалистической революции во всем мире, за которую неустанно борется великий писатель Анри Барбюс. И над могилкой его мы клянемся, что мы будем так же непримиримо бороться против новой империалистической войны.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА.

УФА. Союз советских писателей Башкирии глубоко потрясен вестью о смерти замечательного писателя, великого борца за дело мира и культуры, одного из первых людей, под нявших смелый голос против империалистической войны, СТАРОГО ИСПЫТАННОГО ДРУГА СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ТОВАРИЩА АНРИ БАРБЮСА.

Мужественная жизнь этого большого человека, его чистый образ борца и писателя, его смелое и талантливое творчество будут служить нам всем незабываемым примером.

Вместе со всеми трудящимися советские писатели Башкирии обнажают головы перед прахом нашего великого друга, ПРЕДСЕДЕЛЯ ПЕРВОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА, БЕССТРАШНОГО БОРЦА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДЯЩЕГОСЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, ЗА МИРОВУЮ РЕВОЛЮЦИЮ.

Председатель правления ССР Башкирии А. ТАГИРОВ.

НОВОСИБИРСК. Потрясены смертью пламенного борца за социализм писателя-коммуниста Анри Барбюса, голос которого еще так недавно гневно звучал с трибуны парижского конгресса обороны культуры против фашизма, против угрозы человечеству новой войны.

Книги Барбюса — «Огонь», «Свет» известны в самых далеких уголках Сибири. Они вместе с памятью о самом Барбюсе будут воодушевлять борцов против войны, подготавливаемой фашизмом, ЗА СОЦИАЛИЗМ ПОД ПОБЕДНЫМ ЗНАМЕНОМ ЛЕНИНА—СТАЛИНА.

По поручению митинга советских писателей-журналистов Запсибрия ВЕГМАН, КУДРЯВЦЕВ, ЖИГЛОВСКИЙ, ВЫСОЦКИЙ.



Тов. Молотов в почетном карауле у гроба Анри Барбюса.

А н р и Б а р б ю с

О г о н ь

ЗНАМЕНОСЕЦ ТРУДЯЩИХСЯ

Д Р У Г СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Ушел из жизни Анри Барбюс, ушел один из самых выдающихся революционных писателей мира.

После сорока лет славного творческого труда он и на седьмое десятилетие жизни был полон молодой энергии, огня и метлы как подлинный представитель высокого искусства. Писатель мирового масштаба, он был истинным французом, любил свою страну и глубоко чувствовал душу своего народа. И это он доказал на деле, когда в эпоху империалистической войны написал свой знаменитый роман «Огонь».

История одного взвода французских солдат, безвестных мучеников кровавого побоя 1914 года, — это бесстрашное разоблачение империализма, мировой и своей, французской, буржуазии, это разоблачение шовинистской лжи и угара всех патриотов и поджигателей войны. Эта книга полна подлинной любви автора к своей стране, к трудовому народу, который буржуазия сделала — и теперь готовится сделать — душевным мусором.

Эту великолепную книгу, полную любви и любви к угнетенным, измученным войной людям, высоко ценит В. И. Ленин.

Анри Барбюс в Советском союзе хорошо знали и любили миллионы людей — он был для нас родной и близкий писатель. Его любили не только за его высокохудожественные произведения, всегда глубоко насыщенные самыми передовыми идеями борющегося человечества, его также любили как борца за мир, как друга и защитника Советского союза.

Независть к войне и неустанная борьба за мир — вот что было лучшей и сильнейшей страстью в жизни этого мужественного, благородного человека.

Мы, советские писатели, участники Международного конгресса защиты культуры против войны и фашизма, никогда не забудем Анри Барбюса, одного из организаторов этого справедливого дела. Мы не забудем его доклада «Нация и культура». Его пламенные мысли о «социальной драме», о «вмешательстве писателя в жизнь», об интернационализме, о славной роли народов Советского союза звучат теперь — увы! — как завещание оставшимся и той молодой смене, которая будет продолжать его дело.

Он умер на славном посту писателя — антифашистского борца, пламенного поборника мира.

Мировая литература и французский народ потеряли одного из талантливейших и лучших своих сынов. Писатели Советского союза потеряли чужого и большого друга.

Мы всем сердцем проследим за печальными друзьями — французскими писателями и международными объединениями писателей против войны и фашизма, организации которого наш покойный друг отдал столько сил и огня своего горячего сердца. Вместе с вами, дорогие товарищи, мы складываем головы перед памятью Анри Барбюса.

Спас, благородный и мужественный боец. Мы не забудем тебя никогда!

М. Кольцов, В. Кириш, А. Назарова, И. Луппол, А. Щербачев, Б. Пастернак, Л. Лахути, А. Толстой, В. Иванов, Ф. Панфоров, И. Бабель.

Книга Барбюса «Огонь» на первый взгляд может показаться неперспективным сборником очерков о войне, где собраны впечатления очевидца без обдуманной композиции, без заранее поставленных идеологических намерений, — просто запись того, что произошло с полудюжиной пехотинцев за пятнадцать первых месяцев империалистической войны.

Но в этом приглушенном тоне книги, в ее фактичности, свободной от риторики, в монотонной повествовательности военных впечатлений, совершенно лишенных героики, и заключена огромная взрывчатая сила. Приходится удивляться тому, как не вымалась военная цензура, как могла в самый разгар войны, в начале 1916 г., проскользнуть книга, которая всей совокупностью выложенного в нее материала кричит об одном: «Нужно убит войну! Да, самое войну!». Эта фраза, бесспорный вывод из книги, имеется и в самой книге, но дана она как заметка, как запись одного из бесчисленных и хитро угадываемых отчасти реальных друзей.

Однако, мало того, что дана эта «криминальная» фраза, которую в конце концов можно интерпретировать неперспективно, по-толокостовски. На следующий же странице имеется поясняющий и усиливающий ее вывод. Всякую ли войну убивать? О, нет! «И после войны нужно будет воевать. Да разве с иностранцами?» Одним ли желанием обойти цензуру обусловлена такая осторожность слов? Возможно, что не только это.

Непритязательно фиксируя свои впечатления, Барбюс, может быть, и сам был удивлен тем, какого решительного жизненного перелома требует от него война, увидевшая изумительным взором. Огромная сила книги «Огонь» в том-то и состоит, что материал вал вверх над писателем, сформировал писателя, заставил его говорить совсем не тем языком, каким говорил он прежде. В самом конце книги Барбюс счел возможным и прямо указать выводы из своих до жестокости ясных наблюдений над механикой империалистической войны. Выводы вынужденно даны крайне общими словами: «Союз всех демократий, союз масс, сбор народа всего мира...».

Эту хитро составленную формулу необходимо проанализировать философски. Что могли возразить враги Барбюса против «сбора демократий»? К чему могли они придраться, читая l'entente des immenses? Мы переводим immenses — «массы», улавливая подлинную мысль автора, но само по себе это слово значит «неизмеримо огромные единицы». И разве для придричьего цензора l'entente des immenses не могло сойти за пресловутую Антанту? Всего хитрее та часть формулы, где Барбюс говорит о la levée du peuple du monde. Это слово levée можно перевести умеренно — «сбор» и полным голосом — «бунт». Ведь это имеющее много значений слово употребляется и для обозначения солдатского бунта. Но для всякого внимательного читателя это слово значило только одно — бунт, хотя ни одно из прямых буржуазных слов здесь и не употреблено. И, наконец, самая, может быть, замечательная часть этой фразы, формулирующая выводы и призывы: «свобода до грубости простая».

Простота выражений и прямо направленный взгляд — вот черты, наиболее характерные для «Огня», и их-то труднее всего было ожить от Барбюса, каким он показал себя в начале своей литературной работы. Он начал ее сотрудничеством в угнетеннейшем журнале, изданном названным «Банкет», созданным Марселем Прустом. Такой первый этап пи-

сательства Барбюса, не очерчивающий сотрудничества в «Банкете». Роман «Ад» (1908 г.) запутан и сложен и стилистически.

А затем резкий поворот, радикальный перелом. Книга «Огонь» проста до крайности. Это история семнадцати солдат («да какие же они солдаты? Просто люди»), оказавшихся в одном боевом взводе, в одной землянке. Среди них ни одного интеллигента, — рабочие и крестьяне. «Учитель» — в санитарном отряде, пеллер — велосипедистом-вестовым при дворе, аэрократ — секретарем полковника. А эти семнадцать как будто все на одно лицо. Но так кажется, если смотреть издали, «когда мы становимся только крупицами пыли, несущейся по равнине». Здесь, в книге, они улыбаются, их глазами увидела война. Они отказываются понимать, чего ради идет война, но понимают очень скоро, что если и говорят газету о мерзких богах, то на самом деле «то существо, боги — люди совсем такие же, как мы».

Путь в путь и «хотя бесконечен этот путь, за полком льется вой, тошно в львиной клетке». Полк на отдыхе в деревне, жители которой опекуnderт продовольствием. Тут находится наконец человек, который понимает, кому нужна война. «Польше бы она протаяла», — завывает мальчишка, сын одного из этих торговцев. «И папана здорово заработал». А у солдат неизменно одно ощущение: «Тридцать миллионов работ-

направлены друг на друга, брошены в войну, в грязь. Льет дождь. Липкая, вонючая грязь в окопах, в кодах сообщения. Грязь на стопах. Полувыздобр переброшен в город, несет стражу на вокзале. Вагонов — без числа. Воинских частей — без числа. И около них, над ними, ослепляют их нечеловеческие сети воинских учреждений — где засеки «сокопашенные» — штабы, канцелярии, секции, отделеги; вестовые, кладовщики, монтеры, жандармы, конюшые. Вот летчик рассказывает, что сверху он видел, как во французских окопах служили обидно: «Бог за нас». Вот городская дамочка, жена чиновника из префектуры, повествует: «Затрубит труба, и не удержишь тогда наших солдатиков». С криком: «Да здравствует Франция!» бросаются они вперед. И умирают — они улыбаются».

И вновь отряд на линии огня. Часть его послана на далеко вынесенный вперед наблюдательный пост. Ночь. Непреходящая оружейная канонада. Но что там перед окопами? Кухня брезентов? Остатки деревьев? Нет, это трубы. Их четверть. Это из нашего же окопа. Они ралываются здесь, близзвонко от нас. Они оружейно леги вперед широкой, полной грязи борозды, которую еще считали нужным зашпатель живыми. Оружейная перестрелка. «И пули рвут трубы, рванят их и заново убоют». Отряд назначен рыть новые окопы перед линией от-

рады. Поиманные прожектором, солдаты понадеются под обстрел. Они пытаются уйти назад. Но снаряды сжигают холды сообщения с землей. Под обстрелом обстрелом, теряя своих, ночью, под дождем, в грязи солдаты бредут по полю. Наконец они вновь в траншею, бредут по ее линии, окопаясь окопы. Оказалось — это немецкие окопы. Эта тема — один из лейтмотивов книги. Одинаковые окопы. Только снаряды, нацеленные на трупе германца, качеством помыли. Одинаковые судьбы. Есть холды сообщения, где свалены вместе и пухнут в сыяются трубы тех и других «Разлагается трупа война». «Две сражающиеся армии — да ведь это же самоубийство одной великой армии». Так замыкнулись разрозненные впечатления о горестях маленького отряда, участника которого гибнут один за другим. Участие горстки солдат стала преобразом страдания, брошенных преступлением в бойню, отказывающихся понимать цели этой войны, но несущих в себе «то грубости простую войну» в то, что эта война перерастет в войну плу, которая рабам принесет освобождение.

Этой верой и целью восприятия, без какой бы то ни было заботы о развлекательности. «Огонь» Барбюса резко отличается от множества беллетристических произведений, порожденных войной. Книга сурова и сконцентрирована. Полная готовность за-

быть о себе и о литературных приключениях идеалистические сценны просты и полны каким-то строгим чувством солидарности (старушка в пригороде с великим трудом слабыми руками чистит бышмаки своей вунжи, городской мошкетир, и солдат, видя безразличность ее помытов, за нее вынужден работать; в благодарность за полученные от товарища снаряды другой солдат дарит ему яйцо).

Само собой разумеется, что даже и подобной этой строгости, этого чувства ответственности за сообщаемые читателю впечатления не было в литературных налетах, выходящих во время войны почти одновременно с «Огнем», являла в том же издательстве «Фламариона, которые сами себя вполне характеризовали одними заглавными: «Кровь свою пролили за Эльзас!», «Люди культуры против немцев». Но нет этих чувств и в книге более поздних, порожденных не только патристическим тревосом за собственные барьеры. Эта литература о войне шла тремя потоками: или она, любящая, нагромождала кошмары, или проливая слезы, или зыскивала, тоже ради любования, зыскивательные словесия. Для лиричности любовныта, например, по языку книга Андре Терива «Черное солдату». Она не выдумана. Солдаты-балаторы подслушивают Теривом в самом деле, словесно их свободными и явны. Но за словесными истечна самая тема, и война стала какой-то развлекательной прогулкой фольклорства.

Наконец, перечитывая «Огонь» сейчас, уже в исторической перспективе, не можешь избежать и более ответственного сопоставления. Когда печатался «Огонь» интеллигенция еще не могла отделить себя от той конюшны войны, которая с этих лет несотояно связывалась с эпопеей Льва Толстого. Первое воспоминание о ней сразу заставит признать, как велики преимущества Толстого перед Барбюсом. В самом деле, как ярка лепка образов у Толстого! А вслед за тем возникает второе чувство: в такую глубокую старину, совершенно уже отрезанную от нас и неуязвную нам, отводит он своими изумительными, вылепленными фигурами! В чем антиимпериалистическое остроие эпопеи «Война и мир»? Конечно, в смерти Пети Ростова, сныи, от которой долго не могут прийти в себя читатели еще в полустеизе толды. Но что означает ли теперь эта сцена лишь того, что война отворачивалась Толстым прежде всего как препятствие для домашнего счастья, для эгоистически и слепо замкнутого индивидуального хозяйства? Война прошла, «эвонтованное историческое море Европы улеглось в свои берега», началась настоящая, ростовская, дупная, самоподлежащая хозяйственная жизнь.

И наоборот, гораздо более скромная по художественным средствам книга Барбюса вся устремлена в будущее. Война для него не обособленная эпопея, не дупная поема, а наиболее интенсивное проявление тех социальных отношений, которые с предельной яркостью открывались в войне, требуют радикальных перемен целью и политическим направлением. Барбюс полемизирует не только с Толстым, но и с самим собой. «Войны и мира». Но сейчас кажется, что между ними лежит столетия. Для «Войны и мира» продолжения никакого нет. Эта глава истории стала памятником. И наоборот, «Огонь» Барбюса — один из первых сигналов новой истории, о достижениях которой говорит нам каждая новая год.

Б. ГРИЦОВ



Маска Анри Барбюса (под наблюдением скульптора В. Андреева формовал Ф. В. Челноков).

Умер Анри Барбюс. Он был первым французским писателем, еще в 1916 году призывавшим к борьбе против империалистической войны, к борьбе за мир. Солдаты в окопах, революционные бойцы в тылу часто слышали его голос. Ленин приветствовал его революционный клич. «В отечестве» была первой книгой, попавшей в руки немецких солдат по их возвращении домой в 1918—1919 гг. и политический успех этой книги во всем мире был только началом. Барбюс приступил к широкой организационной работе. Его журнал «Кларет» мобилизовал международную интеллигенцию.

Наряду с ответственной работой в журнале «Кларет» и в газете «Юманите», наряду с работой над новыми статьями и книгами Барбюс велет широкую политическую борьбу против угрозы новой войны, против интервенции и блокады Советского союза. С 1920 по 1923 гг. он выступал на многих собраниях во Франции, Германии, Бельгии, Австрии, Швейцарии. Уже тогда он был болел туберкулезом. Но, несмотря на это, его голос раздавался на митингах и народных собраниях.

Умер болашой интернациональный художник, мастер боевого слова. Умер смелый боец и поэт, призывавший к борьбе против империалистической войны, умер тот, кто так сильно ненавидел фашизм. Умер друг Дмитрия и Тельмана. Умер страстный друг и защитник народа отечества трудящихся. Умер знаменосец трудящихся всех стран в борьбе за новую, социалистическую жизнь.

Знамя, которое Анри Барбюс держал в руках до последней минуты, будет развеваться вперед нас в трудных боях, при грядущих победах. Мы не забудем тебя, Анри Барбюс!

Группа иностранных революционных писателей:

Маргарита Нелькен, Венселео Ревес (Испания), Альфред Гомес де Ваг (Мексика), Александр Трахтенберг, Уолд Арон, Юджин Гордон, Фред Эллис, Д. Кьюнтц (США), Вилли Бредель, Ганс Гюнтер, Эрих Вейнер, Фридрих Вольф, Мария Остел, Эрст Отвальд (Германия), Георг Лукач, А. Барте (Венгрия), Эми Сас (Италия), Хюдиаката (Япония), Бриттон, Маршалл (Англия), Анри Садлуэ, Камилл Марку, Сюи, Пьер Куртад, Шарль Мартэн, Филипп Марлю (Франция), Джованни Джерманетто (Италия).

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН

В эти дни скорби и траура ярче возмужает в памяти одно из наиболее глубоких впечатлений от парижского конгресса в защиту культуры.

Огромный зал, переполненный людьми. В середине его с разных сторон подходят друг к другу Анри Жид и Анри Барбюс. На обоих яркие шелковые халаты, присланные им в подарок от таджикских трудящихся. Оживленный и улыбающийся, пожмая руку Анри Жиду, Барбюс говорит: «Поздравим друг друга с великой честью быть гражданами Советского социалистического Таджикистана».

Овации покрывает эти слова, полные глубокого неподдельного интернационализма, полные любви к советской стране.

Анри Барбюс не ошибся: таджикский народ и все народы Советского союза не забудут своего почетного и любимого гражданина, никогда не перестанут чтить память борца, революционера, трубауна трудящихся всего мира.

ЛАХУТИ

П. С. КОГАН

А н р и Б а р б ю с

Она верит в красоту, Она верит в гармонию, Она чувствует себя бесконечной, На ее устах свет.

Лет за двадцать до войны Барбюс дебатировал сборником стихотворений «Плакаты». Это были обычные песни обычного лирического поэта. Они свидетельствовали об его чувствительности, об отзывчивости на мимолетные явления современной действительности, об искренности душевного волнения: «Я пишу тебе, я слушаю лампа. Ожидание в коридоре уларак мячница. Я, вероятно, сейчас закрою глаза и забуду от нас...» Здесь Барбюс — еще поэт интимных переживаний, один из тех лириков, столь характерных для предвоенной эпохи, уходящих в своей внутренней мир от скупных будней и пошлых притворств самодовольного мешачина.

Он был писателем, как все, он отдавал дару господствующим течением в литературе. Поэт интимной жизни в своем первом сборнике, он выступает последователем Золя в своем романе «Ад». Но в этом романе уже можно почувствовать будущего бойца Философии: обобщения плуло удаются ему, и стремление отыскать какой-то ответственный синтез своего времени терпит фиаско. Зато в романе много сильных лучших изображений и вполне прав Рене. Ладу кода говорит «В этом романе Барбюс вступает в борьбу с своим собственным талантом. Если существуют умные расценивающие идея исключительно по их абстрактной ценности то Барбюс представляет собой противоположную крайность. Он воспринимает в идеях чувство, которое в них заключается. Перед лицом умственного понятия он представляет все реакции благородного сердца и никогда не рисует их в их бесстрастной обнаженности. Мысль автора «Ада» по простоте голаственна с мыслью «Швейц» которую он воспеет:

Он сам рассказал однажды историю этого превращения. Рядовой 231-го полка в окопах наблюдал вдумчивым взором происходящие вокруг него, возмущаясь, предпринимая в истинной мере жизнь бедного. Это построение имеет свои разветвления повсюду, его органическое сердце бьется так реально и так ново в великой стране».

И Барбюс пошел до конца — вступил в ряды коммунистической партии.

железного молота правды по всей той массе лжи, лицемерия, жестокости, глупости и крови, которые зовутся войной».

Вить может, это самое симптоматическое явление современной литературы. Его потрясающая сила в том, что Барбюс, быть может впервые, взглянул на войну глазами тех, кто видит ее глазами. Многовековая багданная поэзия по славу войны создана теми, кто ни не участвует в войне, или кто она не задела настолько, чтобы выбить из него всякие романтические иллюзии. Красоту «е романа» меньше всего чувствует сам «герой». Для солдата война — это вили, грязь, голод, бессонные ночи, гнойные раны, невозделанные поля, недоделанная семья. Барбюс без жалости сорвал с отрицательного лица войны все романтические покровы и показал в ее настоящем виде.

Но не только это. Не только этот бьющий в глаза реализм, эта почти фотографическая точность здесь необходимы. Нужно ли это-либуль допустить воображением для того, чтобы постигнуть все безобразие лица проклятого. А война — это проклятое тело человечества. Это — аполонная язва. И истинно художнику достаточно просто снять повязку для того чтобы достигнуть желательного результата. Там, где действительность говорит за себя, там незачем прибегать к ухищрениям искусства, и все искусство сводится к тому, чтобы разрушить стену, отделяющую от нас эту действительность. Рений Барбюса не в художественных приемах, а в этом молчаливом величии чуждого ума, в этом смелом сбросе с себя власти этих приемов, когда этого потребовала еге сюжет. А художник не мало для этого должен побороть в себе вековые традиции, чтобы не украсит, не солгал, не говорил патетически там, где веками держался приподнятого тона

Что дано это силу писателю, который вырывает в литературной атмосфере, который, как мы видели, шел по проторенным путем, легко примыкал к господствующим литературным течениям и неплохо писал в том или другом установленном жанре? Здесь мы подходим, быть может, к самому главному, что вероятно, даже помимо воли и сознания автора, возволил роман в ряды глубочайших и притрастнейших созданий человеческого сердца. Та война, которую изображал Барбюс — самая бесчеловечная и самая бесчеловечная из всех войн. Призрак ужаснейшей несправедливости бродит по

Его художественное творчество было верным отражением развития его социальной мысли. В романах Барбюса нет той филигранной отделки каждой фразы, какой блещет Анатоли Франс. Ему чужды изысканное изящество, утонченность выражений и иттеночные подпорванные афоризмы. Но едва ли его прославленный современник способен произвести такое непосредственное волнующее впечатление, какое произвел роман Барбюса «Огонь», каждая страница которого есть, по выражению Горького, «удар

дям еражения. Он — истинный герой барбюсовского романа. Есть какая-то пустота, какой-то мрачный провал, в который бросились десятки миллионов людей, слившись в дупной схватке и людя обманчивые мириады, барратлась в воздухе и размахивая руками. Барбюс дал почувствовать противоречие, существующее между этими титаническими усилиями и теми путями, на которых все жертвы и весь так наз. героизм войны получили бы благородный смысл и стали бы действительными жертвами и действительным героизмом. Эти образы, бесконечно разнообразные фигуры, эти потрясающие битвы, будны, мелкие заботы, — все это пронизано этой пустотой. Отсутствие жизни, анемичность, душевное творческое сознание, зашищено началом, столь характерные для литературы эпохи разложения буржуазного общества, здесь, в этом романе достигают высокой трагической силы. И роман переходит за пределы непосредственно поставленной автором задачи и в огулающую грохоте войны раскрывает глубокий трагизм нашего бытия, судороги уходящего со сныи одиночного капиталистического мира

Итак, что вы думаете в хозяйничестве, рокаете детей и производите продукты, обмениваете их, складываете объективно необходимую цепь событий, цель развигия, познаниями от вашего общественного сознания, неотрываемая им полностью никомла. Самая высшая задача человека — охватить эту объективную логику хозяйственной эволюции (эволюции общественного бытия) в общих и основных чертах с тем, чтобы возможно более отчетливо, ясно, критически приосознать к ней свое общественное сознание и сознание передовых классов всех капиталистических стран».

Вить может, Барбюс и не читал книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Но в своем романе «Свет» он лад иллюстрицию к этим замечательным словам. Он художественно показал, как совершается то, что требовал Ленин, и как за голы этой страшной войны не один из пострадавших ее критически приосознать к объективной логике эволюции общественного бытия свое общественное сознание.

В начале пред нами люди, хозяйничание, развивающие детей, производящие продукты. Они любят своих жен, они все дня в день ходят за ва-

воды, сеорятся, сидят в канцеляриях, составляют за лучшее место в войсках. А дальше — какая страшная «объективно необходимая цепь событий» отсюда складывается! Мобилизация! Это слово облетело однажды все города и деревни Франции и всколыхнуло до самого дна это мирное бытие. Франция была единая, если верить газетам. Единодупный полк налетел извне на всю страну. Воздух наполнил и решимость светилась во всех лицах. Люди сверкали глазами. Старик записывался добровольцем в армию. Дети проклинали казвара, и герой романа неистово кричал: «Наконец-то! Омертв бошма!». Все знало, что дело идет не о равнине, а о всеобщем счастье и свободе, которым мешала только Германия и во имя которых самозабвенно шла на борьбу предраская Франция со своими любезнейшими соседями.

Прошли месяцы, и в окопах, в воле к герою романа подошел один из самых скромных его товарищей и сказал: «Общаясь ты мне, пожалуйста, почему это на земле оказалась оправа несправедливости? И пошел прощаться капитана в отпуск, на который имел право, и показываю ему письмо, что так и так, тетка моя только что скончалась. «Это враки» — говорит он мне. Ну, подумай я про себя, это еще что. Так вот ты мне и скажи: почему, когда началась война, не начались также и настоящая справедливость для всех, ведь ее можно было устроить, потому, что никто не сказал бы в тот момент: «я не хочу». Почему все вышло как раз наоборот? И дело вовсе не только в том, что случилось со мной, а ты возьми крупных промышленников, которые зарабатывают, говорят, сотни лириных франков в день на этой войне, да еще их шкура осталась при них, и пошми ты франтов, что обогатили в тылу, а сами плескатор злорнее эти долых запасных, которых не эвакуировали отсюда еще до нынешнего года, и возьми ты кулечки по горло с красотками, жемчугами и шампанским, о которых нам рассказывал Жюгеран».

Так начался процесс собирания волеидно мыслей о войне, приспособление общественного сознания в объективной логике развития. Ужасные картины переплетаются с работой мысли, и эреплице разорванной осколками гранаты женщины и ее вывалившиеся кинеш возбуждают потребность осознать совершающиеся безумие. Хочется оторваться от земли и

улететь в истину, понять смысл в действиях этих людей, преследующих общую цель и бессознательно убивающих друг друга. «Так надо! так надо!» — вот все объяснение, которое находит личность, в свое время подготовленная грозными мероприятиями, подожимаемая дубинистами, школой системы управления, — подготовленная к тому, чтобы по приказу покорно раздаться лопатой полого червя, затем отелеть в мушкетир и надесть на свою шею номер, уменьшающий личность. И когда не видно. После этой войны будет другая. Война будет продолжаться до тех пор, пока решать ее «будут не те, что воюют».

Так среди рвануших снарядов, искаженных страданиями человеческих лиц стала сходить в мир истина. Между 1914 и 1920 годами на всех концах Европы была расстреляна вера европейского человечества в идеалы демократии, в вековые фетиши патристического отечества, избирательного права, в старую науку и в старое искусство.

Герой романа снова на родине — болашой, изувеченный. Слова попы е их благороднейшими молебнами, Францию, слова крики об отечестве, торжественные процессии, брачные оружием — все тот утр, которым дурманят головы масс извращенные и жалкие личности. Но уж ними глазами смотрит на все это вернувшийся с войны. Вернувшись в героизм и жертву, в порядок, ушел добровольцем, пламенным патриотом Барбюс на войну, а вернулся оттуда апологетом революции и Интернационала.

«Я военачеко непреодолемо наступление великой революции. Не временные реакции, мрак и ужасы, не трагическая трудность подыять мир сразу и повсюду мешают осуществлению международной истины. Но если великие силы мрака упорно позволяют оставаться на своих местах, если те, что внятно кричат, будут вопиать в пустыне, тогда, о, народы, неумолимые жертвы полдой истории, я выываю к вашему гнву. Пусть смутных порогах, штихальки кровью смутные побережья, через головы правителей разбившихся кораблей, поверх обломков и рифов, поверх зловонных и мумифицированных на песке, а предьяву наступление великого прилива. Истина революционная лишь изза беспорядочности заблуждения. Революция — это порядок».

Неопубликованная статья П. С. Когана написанная им в 1927 году в первый приезд Анри Барбюса в СССР.

А н р и Б а р б ю с

П О Э Т

Quand l'heure viendra, qu'on y croie,
Mes vœux, mes vertus, ma bonté
Dailliront, pour mourir de joie
Dans l'implacable vérité!
«Pleureuses».

Эти пророческие строфы эпохи поэта раскрывают перед нами душу глубоко влиятельного, широко распахнутого для всех горестей и радостей мира — в большем всего для горестей, струей яркого света охватывая и градующий путь того, чье искусство стало не «кимвалом брадьянши», не усыпляющей утешкой для пресыщенных избранных, не жреческим чревовещанием рафинированных глупых и схоластиков от поэзии, «лазаретной поэзии», которую так презирал великий Гете и против которой боролся великий Гюго; его искусство медленно, но верно, как сталь, закалялось в огне жизни, чтобы стать булатом в суровой и величавой борьбе за преобразование человечества.

«Одни голос признает поэта: будь поэтом будущего, будь человеком поколения, которое придет после нас, изучай законы и адоптируй их к жизни общества. Другой голос говорит ему: будь поэтом настоящего для всех грядущих поколений, будь человеком века, соевражая деревья и звезды и займись природой.

Будь поэтом природы, и ты будешь поэтом людей» (Victor Hugo. «Poëticisme de ma vie»).

Барбюс до конца дней своих оставался поэтом и природы и людей, писателем предельной, порой потрясающей искренности, глубокой человечности и большого, яркого, неустанного горения, беспощадного гнева. Сколько прекрасных страниц и в «Огне», и в «Свете», и в «Звездах», и в других его произведениях, которые бы создали честь и Флоберу, и столько в них в страстной любви и яростной ненависти!

«Pleureuses» — «Плакальщицы» — назвала Барбюс свой первый и единственный том стихов, вышедший сорок лет назад в последний «королю поэтов» Кэтиль Мендесу, который приветствовал молодого поэта, предсказывая ему славу.

Молодой Барбюс явился к тому концу своих дней в глухом Альере в Париже в пору глубокого духовного брожения и распада, в пору зарождения новых течений в литературе и искусстве.

Символизм во Франции достиг к этой эпохе (1890—1896), то есть ко времени появления молодого поэта в Париже, своего апогея; от него стало отпочковываться множество других течений, более или менее ему близких; стали зарождаться натурализм, гуманизм, унаимизм, популизм и множество других «измов», не говоря уже о натурализме, выступавших каждый с пространными декларациями, по своему и по-разному трактовавшим назначение писателя и сущность искусства; это было бедлам литературный, так ярко выделенный в «Армаже на площади» Жюль Ролланом.

Двадцатилетний поэт, чувствительный, с поэтическими восторгам, находившим свое глубокое выражение в «Pleureuses» («Плакальщицы»), и в то же время чуткий к явлениям социальной жизни, с насильственным акробатическим огоньком в крови, со смутной жаждой активного вмешательства в жизненный процесс, приглядываясь ко всем этим литературным течениям, связанное с ними, но окончательно не примкнув ни к одному из них и в том же иде и к символизму, почти что господствовавшему в поэзии.

Глубоко неудовольренный, мучительно доканываясь до своего идеала красоты, он ждал, ждал какого-то толчка извне, который вытолкнул бы его из этого состояния беспутья, расставившего его поколение. Этот удар, коренным образом изменивший жизненный путь поэта, произошел значительно позже, в войну.

Читателям в его стихах, проникнутые лирической грустью и тяжелым раздумьем неудовольственной молодости, горделивой и лихорадочной, начинаешь глубже понимать этого яркого, пламенного писателя, вышедшего из самого ада жизни несокрушимую веру в человека, в правду, в красоту, затоптанную и затравленную смердящим буржуазным обществом.

В «Мессе прошлого», в «Огнях старых мечтаний», в «Неприятности», «Молчании белых» и в других стихах и поэмах (неоднократно арестованного поэта можно проследить некоторые черты того, кто в непереводном «Огне» показал всему миру потрясающую правду Большой войны и кто стал таким пламенным, страстным и неутомимым поборником Великой войны.

Опозный поэт идет в суровой

страхе без времен года и видит раскрывающийся перед ним «широкий взор горизонта».

Je reste en paix, ma vie altière,
Le ciel est gris; mon cœur se fonde
Dans mon orgueil vide et profond
Comme un bonheur dans la lumière.

Мотивы одиночества очень часто звучат в стихах молодого поэта, чувствительного, нежного. С юных лет стремился он к какому-то смутному идеалу красоты, к вечной правде, он ищет света в ступенихих по кругу него сумерках, он весь переполнен жаждой любви, дружбы, деятельности, стремлением вырваться из молчания. В своих удивленных мечтаниях он уже слышит в «обожжающей тени сердца» прекрасную музыку будущего, уже видит «славы, еще плохо завоеванные», прекрасные обещания... это его «гордость, обезумевшая от мужества», это его «будущее, пыльное от веры», это «блеск его отсутствия», когда человек будет мечтать о нем.

В своих «Молитвах про себя» поэт, окутанный долгим молчанием, в беспредельной тоске познает себя. «Можешь устремиться в будущее, я обожжаю и я верю».

В цикле прекрасных стихотворений «Дамма», в которой поэт так часто обращается в тиши своего удивления, есть одно — «Работница», проникнутое глубокой человечностью, волнующей лирической нежностью, раскрывающее большое сердце молодого, сурового в своей любви и ненависти человека, отбывающего всю свою жизнь, все свое дарование и все без остатка силы неустанной борьбе за утверждение той правды и той красоты, которые смутно мерещились ему еще в самые ранние годы его жизни.

Твоя белая лампа освещает тебя,
Когда, зная, шума боишься,
Ты трудяшься до ночи глубокой
Над чем-то немощно божественным.

И в «Вещях» и в «Вечере в празднике» та же жажда красоты и правды и та же «внимательная душа» поэта, еще не написавшего себя ни среди людей, ни в самом себе. «О, сохрани ты мне высшую привычку матажа и гордости», так как «я свободен, услужливы и усталости в сердцах, пусты в от траур».

Одна черта проходит через весь этот первый и единственный том стихов молодого поэта: глубокая серьезность и искренность, суровая простота, идущая от большой сложности внутренних переживаний и формирующая стиль будущей жизни, его предисылки, зачатки, устремления. И в «Огнях старых мечтаний», и в «Лирике горячих ночей», и в обращении поэта к своему будущему — во всем эта неизменная, оазяемая грустной «улыбкой жертвенности» серьезность, серьезность юности, как бы осознающего всю ту важность миссии, которую ему предстоит возложить на себя. И этот основной тон проходит и через все его дальнейшие произведения, поднимаясь до беспощадного гнева обиды, до страстного пафоса борьбы, до не знающего компромиссов провозглашения правды, точно вырвавшейся из миллионов человеческих сердец.

Предчувствие не обмануло юного поэта, когда он говорил о себе, что и назначенный час его желания, его доблести и его доброты
Брызнут, чтобы умереть от радости в правде беспощадной.

Е. ПОЛОНСКИЙ.

КАК Я ЛЕПИЛ АНРИ БАРБЮСА

В 1927 году, при посещении Анри Барбюсом Ассоциация художников революции, я спросил его: не может ли он уделить мне несколько часов для того, чтобы выполнить его бюст, причем заметил, что позировать мне не требуется — каждый будет выполнять свою обычную работу: он — писать, а я рядом — лепить.

Через два дня я приступил к работе у него в комнате, в I Доме советом на Театральной площади.

И не мало лепил бюстов — и хороших и плохих. Успех всегда зависел от отношения модели к художнику. Были случаи, что через шесть месяцев работы при безразличном отношении модели ничего не получалось. С Барбюсом — наоборот. Чуткий, общительный, своим творческим контактом он вызвал ответную творческую волну как результат органической связи с моделью.

Было редким удовольствием наблюдать за одухотворенностью его лица следить за творческой работой мысли как бы материально трепещущей по исключительно высоким путям надбровных дуг, мускулами лба, в осмысливающих глазах.

Лепить такую модель — радость счастье. За 6 часов бюст был готов Барбюс дал лестную оценку моей работе. Привожу целиком это письмо.

«Москва, 7 ноября 1927 г.

Дорогой товарищ Козлов.

Я очень счастлив, что, позировав вам я имел случай прилить в известной мере участие в вашем труде.

Хотя я и не мог посвятить вам достаточно времени, тем не менее для меня было большим удовольствием присутствовать при вашей работе и быть для нее чем-нибудь, — удовольствием из симпатии к вам, а также из высокой оценки вашего произведения. Этот бюст удивительно похож и жив: как я вам говорил, уходя, мне кажется, что я не ухожу совсем, — оставляю свое изображение столь разительное сложное. Вы мне говорили также, что мысль выражается во внешнем облике. Ваша скульптура дает этому красивое и сильное доказательство.

Братски жму Вашу руку.

Анри Барбюс.

В этом письме виден человек, предельно чуткий и внимательный к чуждому труду. Таким он был во всем. Трепетно заботилось сердце, когда я узнал о болезни Анри Барбюса. И вот — нет живого Барбюса. Остался в памяти образ писателя-мыслителя, писателя-революционера, чуткого к товарищам, беспощадного к врагам.

Скульптор ГРИГОРИЙ КОЗЛОВ.

ИСТИННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Я глубоко удручен смертью Анри Барбюса, замечательного писателя, который первый сказал страшную правду об империалистической войне.

Имя Барбюса в моем сознании всегда сочеталось с понятием об истинном человеке и оно останется таким на всю жизнь.

И. СЕЛВИНСКИЙ



Анри Барбюс на антимпериалистическом конгрессе в Брюсселе

МЫ ПОТЕРЯЛИ ВЕРНОГО ДРУГА

Выражаю глубочайшее сожаление по поводу смерти великого революционного, боевого писателя Анри Барбюса. Своими бессмертными произведениями, написанными в годы мировой империалистической войны и позже, он с величайшей честностью и бесстрашием разоблачил безумные войны, грабительские цели и преступления организаторов ее. Он высоко был признан и до последней минуты своей жизни оставался волевым революционной литературы пролетариата и передовой честной интеллигенции. Анри Барбюс — это не только великий писатель с мировым именем, он — знамя, ибо все дело его замечательной жизни было посвящено борьбе против империализма, ознаменованной войной, против фашизма, за социалистическую революцию, неутомимый солдатом которой он всегда являлся. Мы потеряли также одного из самых верных и близких друзей нашей революции.

В. БАРЕЯКИС

ЕГО ИМЯ БЕССМЕРТНО

Я был глубоко потрясен, когда узнал о смерти выдающегося писателя «Огонь».

Анри Барбюс умер, но его слава

великой социалистической роли. Лично несколько дней назад я его видел на последнем заключительном заседании сельского конгресса Коммунистического Интернационала, где он крепко и восторженно, как это было присуще его натуре революционер-художника, приветствовал величайшие успехи социализма в нашей стране, достигнутые под руководством большевистской партии, под руководством великого вождя нашего народа — товарища Сталина. Теперь уже больше нет в рядах революционной армии мировой литературы, в нашей среде, Анри Барбюса. Факт неострашного, Анри Барбюс увековечил себя навсегда великими делами как мужественный, честный, бесстрашный борец за социализм, против империалистической войны, против фашизма.

А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ

Трибуна социалистической революции

Я знаю одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть.

Лермонтов

Анри Барбюс пришел к коммунизму из ала империалистической войны народов, со скорбного плачущего человечества, где чудовища истребления писали свой таинственный, в горле несдышащих в истории человечества вопли, вышедших на долгие люди, в остроте величайшего исторического кризиса, поставившего под угрозу самое существование общества, отделила творческая индивидуальность А. Барбюса от либерального, пессимистического, сентиментально-утопического плаха. Во всем своем странном «не быть» открывался ему восторг обожжающей капиталистической цивилизации. Не быть культурному человечеству, не быть культуре, завоеванной ценой тысячелетнего страдания подавляющего большинства мыслящего человечества, вопреки хаосу и мраку разрушения, гибель «красоты и истины», вавилонское чуждолюбие творчества, человеческой мысли. Рождается потрясающий документ эпохи войны и революции, документ, созданный одним из лучших сыновей прекрасной Франции; устами писателя заговорили миллионы человеческих душ.

«Огонь» велик не только тем, что писатель воплотил в нем муки и безграничную скорбь, истекающие кровью сердце трудящегося человечества своей эпохи. В «Огне» прояснилось сознание писателя, и через его сознание говорюна мысль многих тысяч людей, проворных и превращавших любую эпоху. Больше всего блещет «Огонь» чувством беспредельного отчаяния, безысходным пессимизмом перед неострашим рока. Суровое осуждение действительности переживаете в книге с набатом, скандальным народом к борьбе за свободу, за счастье будущего. Даже больше того: суровость осуждения вытекает из ясности великой цели борьбы. Современная жизнь ужасна в своем странном омертвлении, но не имеет поэтому и должно ее преодолеть. Критический реализм писателя сопрягается в книге с романтизмом пылом, устремленным к обетованной земле освобождения. «Правда достояние — писал много лет спустя Анри Барбюс, — чтобы поднять восстание. Подлинный метод, примененный к наблюдению над общественной жизнью в наши дни силой вещей является боевым наступлением». «Правда, выстраданная писателем в «Огне», призывает к социалистической революции, к штурму твердыни капитализма. Свет будущего общества яче светла на фоне тьмы современности.

Счастливые судьбы последующих поколений писатель радостно переживает в страданиях настоящего, оживающего из его тисков своим взглядом, направленного в даль. Бель по его же словам: «Оптимизм — это зарывание социального сознания. Переход от индивидуального сознания смерти к коллективному — бессмертному, это значит также перейти от настоящего к будущему и от пессимизма к оптимизму, ибо нет длительной радости ни в рамках личной судьбы, ни в рамках современной действительности... Социальные язвы язвеными, лишь бы вылезли за них лицом к лицу».

Не случайно, что литературный стон против империалистической войны и порожденного ее общественного строя вырвался у одного из идейных представителей «прекрасной Франции». Без всяких кавычек Франция была поистине прекрасной, когда стояла во оружении своей блестящей литературы, своему гуманистическому разуму и колоссально буржуазному обществу в XVIII веке. Франция Вольтера и Дидро, Франция Монтепассиона и Гельвеция, Франция герцогских монтаньяров воплощала в себе огромный шаг вперед в идейном и культурном развитии человечества.

Обществом проевротившим выразила наступление буржуазии на столпы феодального мира. Но сущитивно в своем сознании она переступила далеко за порог своей ограниченной буржуазной действительности. Она в ужасе и омерзении отвернулась от своей исторической правды, если бы увидела ее в ее реальном жизненном противоречии. Дисгармония между классово-буржуазной сущностью революции и ее «общечеловеческим» разумом мучительно переживалась лучшей частью наследников просветительского на всем протяжении прошлого века — особенно во Франции. Она эта дисгармония, предопределяла собой суровое, трагическое творчество Вальзака и Стендаля. На этого внутреннего развала пытались оплотниться Флобер к высотам формы искусства к объективности формы, к миру абсолютной свободы художника, бесплодного, застрявшего в своем ограниченном одиночестве. Превращение к политике, отягощенной этикой мастерами литературы с попойкой и грязной политической буржуазии, сочеталось в них с гневным показом яла, смердящих в общественном теле, с презрительной иронией по адресу всех святых буржуазной культуры — семьи, собственности, господства буржуазных свобод.

С этой горечью, недоливостью, своеобразно отразившей противоречия капитализма и борьбы революционного кризиса, воспринятые железным им-

Ю. СПАССКИЙ

империалистический век лучше людей французской «общественной» мысли. Знаменито «Я обвиняю» Золя мелькнуло как первое знамение надвигавшейся исторической бури. Капиталистический мир несет на встречу военной катастрофе.

В своей книге о Золя Барбюс подтолкнул не только замечательный конец алгебра «Рутон Макаров», но и свое собственное личное самоопределение. «Острый вопрос о личности или неличности Дрейфуса означал, как граничное организмом конный фактом современного общества. Абсолютные истины истекают кровью и вопиют в человеческих делах». Говоря о переходе Золя в социалистический стан, Барбюс отмечает в его социальном порок идеалистической отвлеченной гуманности утопиков.

Но уже прорывавшиеся сквозь идеалистическую толщу ясные проблески истинного прозрения в жизнь. Барбюс с сочувствием цитирует замечательное признание, вырывающееся у Золя, когда он пытается найти себя не только в своей общечеловеческой, но в своей конкретной классово-форме: «Я должен выдвинуть основную решающую идею, что буржуазия закончила свою роль, что она перешла к реализации, чтобы сохранить свою власть и свои богатства, и что вся надежда — в жертрии народа, опасение только в народе. Грядущая революция, которую не надо делать кровавой!» Золя остановился на этой грани: он фактически находился между двумя берегами... смерть помогла ему ступить на берег социалистической революции. Барбюсу удалось совершить последний решительный шаг. Но совершил он его уже тогда, когда зарождались пушки и раскрывалась последняя остаток сомнений в неизбежной правомерности, насильственной революции рабочего класса.

В своей книге — аллюзии Золя — в книге, раскрывающей не только Золя, но и прорывавший свет на звание, оставленные им самим позади себя в своей жизни. Барбюс иронически отбрасывает мечту Золя о революции как революции: исторические события происходят по их собственным законам, а не по законам чувств и предположений благородных сердец.

ЧЕЛОВЕК БОЛЬШОЙ ЖИЗНИ

Есть книги, которые охватывают мир, которые сжигают вековую ложь, чудовищный обман, одурачивший человечество. Но эти книги воплощаются людей ужасом и гневом: они ослепительны и беспощадны. Страшная правда этих книг — обличение эгоизма кровавых рабовладельцев и их убийственного правоприменения, основанного на войне. Это — книги бессмертные: они бесстрашны и погрязшие, как восстание. К таким книгам относятся и «Огонь» Анри Барбюса. Я не знаю больше страшной и гневной книги об империалистической войне, о мерзости, о зверстве, о гнуснейшем лицемерии и лживой о жестокости капиталистической цивилизации. Огонь этой книги страстный, сухой, жесткий, в немноголюдном кругу писателей, журналистов и ученых. Его голос был глух, внушающ, заволашевал и дышал убеждением. Это лирическая острая кисть руки отсекала каждую фразу. Вся его речь была строгой и деловой. Я почувствовал в нем борьбу, у которого слово — это дело. Это был поистине моральный человек в самом революционном значении этого слова.

Потом я встречался и беседовал с ним несколько раз и эти беседы не вылетали из моей памяти. Первое мое впечатление укрепились и углубилось. Это был цельный человек, боевой и тонкий характер. Он жил революцией и литературой. Революция для него была целью и содержанием жизни, а литература — могучим оружием революции.

На памятном вечере, посвященном его встрече, выступила пламенная близкая к смерти, вдохновенная Клара Петкина. Речь ее звучала юношеским огнем. Она горела высочайшим пафосом и изумительной страстью борца. Анри Барбюс слушал ее, бледный и потрясенный. В его глазах был восторг и огонь. Я видел человека огромной жизни и поэта огромной мысли.

Это горячее художное, немощное скорбное лицо, с твердыми морщинами на переносе и на щеках, эти горящие глаза, встревоженные волосы на голове были мятежны и неукротимы. Он был один из организаторов борьбы против империалистической войны, он был один из авторитетнейших вождей антивоенного конгресса. Иначе и не могло быть. Автор «Огня», коммунист, несущий в себе огонь непримиримого бора за социализм, не мог не быть одним из первых в авангарде борцов, против капитализма и фашизма.

Барбюс уже нет между нами. Со скорбью склоним головы перед его прахом. На конгрессе Коминтерна его имя прозвучало, как символ беспощадной борьбы с оверлейным, обезумевшим фашизмом. И его смерть на родине мирового пролетариата — в стране Советских Социалистических Республик — тоже кажется глубоким волнующим символом. Он уча почти накануне правления Международного юношеского дня. Над его гробом сомкнулись миллионы ряды молодых бойцов за коммунизм, и их знамена бодро и торжествующе отвезены на его смерть алым пламенем борьбы за великое дело социализма, пламенем великой любви к жизни. Вестиленные ряды девушек и юношей нашей великой родины уверенно, жизнепералодно и гордо прошли мимо гроба огненного Барбюса под плещущими знаменами Ленина—Сталина с ликующими песнями борца, готовясь в каждый миг стать на защиту своей социалистической родины по зову любимого великого вождя.

ФЕДОР ГЛАДКОВ

Смерть возстала его за разработку книги о Ленине.

Барбюсу вышло вполне счастье: достигнутое переломом он был в самом гуще исторической схватки. Он пел чувства и идеи многих миллионов, поднимавшихся на штурм капиталистическими торями человечества. Как будто о себе самом писал он о Золя: «он был в прямом контакте с будущей общественной жизнью. Его схватил вольный воздух, в вышедшем ударе свободного ветра. Он, реалист, всем своим существом окупился в мировую действительность. Он материально почувствовал на себе толчки и крутоверты толпы. Он почувствовал моль и вкус моря, как его могут узнать лишь те, которые потрупились в него, боролсь в нем. Борьба давала ему, человеку печальному, радость. Радость действительности, которая с этого момента будет освещать последнюю, в высшей степени утилитарную часть его жизни».

В этой, в высшей степени утилитарной, последней части жизни Барбюса сиял восточно художник и политический трибуна. И на чашу веков политического трибуна художник бросил все свое мастерство столетней бросил в культуру, страстность своего поэтического темперамента, свой выстраданный в огне ненависти, свою ларическую мечту о красоте,



Анри Барбюс в свой первый приезд в СССР.

HENRI BARBUSSE
Pleureuses
POESIES
116 editions
PARIS
LIBRAIRIE PLAMBEAUX, EDITEUR
10, rue de Valenciennes

Обложка первой книги стихов Анри Барбюса «Les pleureuses» («Плакальщицы»)

А н р и Б а р б ю с

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

АНРИ БРЮС

ШВЕЯ ТВОРЦЫ

АНРИ БАРБЮС

Директор Московского зоологического сада проф. Мантейфель, большой друг Анри Барбюса, сказал как-то о нем: «Какой хороший это человек».

Мы все хорошо знаем писателя Анри Барбюса. Нам известен Анри Барбюс — неутомимый политический деятель, пламенный революционный боец. Об Анри Барбюсе, замечательном человеке, тепло вспоминают все встречавшиеся с ним.

Профессор Мантейфель не говорит по-французски. Барбюс знал по-русски только несколько слов. Однако они были друзьями. Каждый раз во время пребывания в Москве Барбюс обязательно навещал Зоологический сад. Последний раз он был там утром 21 августа.

Долголетний сотрудник и друг Анри Барбюса т. Аннет Вильдаль рассказывает об этом дне — Барбюс долго ходил по саду и, помнится, говорил Мантейфель: «В нашем саду большие перемены, он растет и, как все в нашей стране, его научная работа направлена на благо трудящихся».

— Это не обманка, что Барбюс говорил нам Зоологический сад, наша страна, — вспоминает в беседе тов. Пожтонов, зав. западным отд. ВКОС. — Первые слова Барбюса по приезде с вокзала в гостиницу были: «Никому-то я дома». Он так дружелюбно встретил Мантейфель, официантов и горничных в «Савойе», как встретил с домашними после длительной поездки. В Москве Барбюс был всегда неузнаваемо радостный, словно помолодевший.

— Он очень любил Москву. В каждый свободный час он ездил осматривать город, — вспоминает Аннет Вильдаль. — Москва захватывала его впечатлениями. У этого человека была замечательная память. Он радостно замечал каждую новую улыбку на лице преображающейся Москвы. Он разговаривал с выходящим из здания зоологического сада, новым фонарем на улице Горького, троллейбусом. Реконструированная Амбуазская площадь назвала у Барбюса восклицание: «Она хорошеет, моя Москва!».

Барбюс был близок и очень любил советскую технику. В своем последнем письме, адресованном пионером в лагерь Артек, он писал: «Я всегда думаю о вас, мои дорогие маленькие друзья, как о современных величественного роста Советского союза». Я утверждаю, что вы являетесь олицетворением молодого и уже столь мощного социалистического строительства СССР.

Тов. Пожтонов вспоминает, как 20 августа, во время автомобильной поездки по Москве, Барбюс осматривал Ново-Левинский монастырь. Его горячо окружали дети. «В СССР много таких детей, как вы, и все они похожи друг на друга, так как их объединяет одна жизнь, одна судьба, одна надежда, вернее, одно счастье» (из письма пионером Артеку). Вот эти дети, не знавшие, кто этот высокий, чуть согбенный человек, с ласковыми, смеющимися глазами, охотно позировали для фотографа. Им нравились незнакомец. Только одна девочка попросила: «Дяденька, а речотку припрятать?»

— Барбюс тотчас же попросил своего секретаря записать точные адреса ребятинки (к сожалению, фотографии не вышли).

— Эта деталь очень характерна для Анри Барбюса — человека, ни когда ничто не забывавшего и всегда сдерживавшего свои обещания. Год назад ему играл в Москве Бусе Гольштейн. Мальчик попросил писателя привезти струны для скрипки. Барбюс, собравшись в СССР, вспомнил об этой просьбе. Он не успел передать струны юному музыканту. Умирая, в роковую ночь на 30 августа Барбюс просил окружающих не забыть передать струны Бусе Гольштейну.

— «Социализм — это прежде всего чуткое отношение к человеку», часто говорил Барбюс, — рассказывает т. Аннет Вильдаль. — Его отноше-

ния ко всем были проникнуты чувством и любовью товарищества. Он умел совмещать малое и большое. Важный мирным проблемами, крупнейший политический деятель, Барбюс никогда не забывал спросить о здоровье людей, с кем встречался, интересовался житиной стороной жизни и всегда был готов дать хороший, истинно дружеский совет. Его нельзя было не любить.

Барбюс очень много работал. «Писательское ремесло» — это очень трудное ремесло, — часто указывал он. — Упорным трудом достигается «искусство». Писатель неоднократно жаловался т. Пожтонову, что его разносторонняя политическая деятельность отнимала чересчур много времени. Не оставалось часов, чтобы более тщательно работать над своими литературными произведениями.

Он жаловался, но не жалел. Многообразная и многогранная жизнь Барбюса была целиком поставлена на службу делу победоносной пролетарской революции. Все средства для этого были хороши. Перед самой болезнью в Москве Барбюс был занят работой, которая казалась по масштабу чересчур незначительной для его огромного таланта. На столе в номере «Савойя» лежала груда писем из-за границы слушателей советских международных радиопередач. В эти письма на разных языках мира, по-разному спрашивали о том, последует ли религия в Советском союзе как живая служительница культа, кто санкционирует закрытие церквей и т. д. Великий друг Страны советов, со свойственной в таких случаях ему педантичностью, отвечал на эти письма, готовя радиопередачу по вопросу «Религия в СССР». Он придавал очень большое значение этой работе — ведь она должна была помочь рассеять клеветнические слухи о его стране.

Барбюс чрезвычайно уважал чужой труд. Несмотря на чудовищную

загрузку делами (в Москве у писателя было столько совещаний, встреч и бесед), он беззаветно и откровенно отвечал на все письма. Своим аккуратным, твердым почерком он писал ответ ученицы из Новосибирска просившей у него биогрифические данные, нужные ученицы для доклада в школе. Он писем благодарил студентов за приглашение приехать в университет. Уже больной, он писал своим любимцам, пионерам Артеки, горячие приветственные послания.

— Он был неутомим, — вспоминает т. Аннет Вильдаль и Пожтонов. — В октябре, в Париже, в издательстве «Ридер» выхолит его последние работы — это сборник «Письма В. И. Ленина родным», тщательно прокомментированные Барбюсом. Предисловие и комментарии к сборнику по существу являются самостоятельной работой. Они занимают свыше 150 страниц.

— Велика была у Барбюса жажда жизни, неистощимая энергия. Когда утром 22 августа за больным пришла санитарная карета, Барбюс с температурой в 40 градусов отказался ехать на госпиталь и сам спустился к автомобилю.

— В больнице Барбюсу было запрещено читать. Чтобы дать какую-нибудь нагрузку мозгу, писатель решил кроссовый.

— Все время до последней минуты Барбюс жил интересами сегодняшнего дня. Умирая, в полузабытом, на солнечной койке он спрашивал об абиссинских делах. Славил исторический организм. Но продолжал оставаться напряженным волею, молниеносная неустранимость революционера.

— Больше внимания абиссинскому вопросу, война будет ужасна, — так были чужды ли последние слова великого Анри Барбюса.

Г. ГРУЗД



Пионерка Артека передает Анри Барбюсу значок почетного артековца

Дождь и блеск... Из желтых туч
Голубое солнце брызжет,
И жемчужный ливень нисшет,
На предместье кинув пуч...

В мастерской, скупой и тесной,
Горбась, хмуро шьет она, —
Сладко вдруг потрясена

Аркой радуги небесной.

И когда ее края

Развернулись без предела,

Нежный свет пропел, — запела

Песню тихую швея.

О лазури бесконечной,

О сверкающей судьбе...

И, сама смеясь себе,

Верит песенке беспечной,

Верит в жизнь и красоту,

В гармоничность мира верит,

И свое бессмертье мерит,

Губы нежа на свету.

Позже, ритмом слов старинных

Все полно, — просто, верно, —

В дом родной идет она;

С нею сумрак улиц длинных.

Равнодушной светлой

Стенена, идет далеко,

Издав топлы, но одиноко

Средь песенки прониной.

Вся в мечте непостижимой,

Забывает тяжкий труд,

И не несут — несут

Волны музыки незримой.

Перевел Георгий ШЕНГЕЛИ

ПАМЯТИ АНРИ БАРБЮСА

ЛЕНИНГРАД (наш корр.). Ленинградская публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина приступила к организации выставки памяти писателя-революционера Анри Барбюса. На выставке будут представлены сочинения А. Барбюса на русском и иностранном языках, фотоматериалы, литература и т. д. Выставка откроется на днях.

БАРБЮС — ДЕТЯМ

Детское издательство при ЦК ВЛКСМ издает в 1936 году роман Барбюса «В огне».

ВЕЧЕР БАРБЮСА

5 сентября на литературной выставке Союза советских писателей в ЦКШКО им. Горького состоится вечер, посвященный памяти Анри Барбюса. Доклад о творчестве писателя сделает В. Кириев.

КУЛЬТУРА В ТРАУРЕ

Париж, 1 сентября. Ассоциация революционных писателей и художников Франции, насчитывающая около 1600 писателей и художников, опубликовала воззвание, в котором говорится:

«Культура в трауре. Смерть Анри Барбюса потрясла сердца всех, которые за время империалистической войны в трудные часы обращали к нему свои вопрошающие взоры. Тот, кто воплощал собой борьбу против войны и против фашизма, кто за-

щитал интересы рабочих на заводском фронте, тот, кто защищал СССР, тот, кто написал книгу, посвященную им нашему великому Сталину, — этот человек не умрет. Он живет в сердцах трудящихся, исполненных воли к борьбе за создание нового мира, он живет в сердцах писателей и художников, следящих по примеру. Он живет в оставленных им книгах, пользующихся во всем мире любовью тех масс, которых он защищал».

Клеветническая кампания против ряд нечестных положений, вызванных чтением гает. Обобщение единичного факта: где-то в СССР обучился дом. Печатают: в СССР все дома рушатся. Можно также показать европейского журналиста, именно так обрабатывающего получаемые им новости.

Кроме того, из показа этой клеветнической кампании выясняется, что находящиеся за границей члены оппозиции участвуют в ней по мере сил и возможности, включая свой голос в хор ненависти буржуазии против рабочего государства, и пытаются всеми способами дискредитировать и разрушить достижения революции.

Протест трудящихся Советского союза против этой грубой лжи и лицемерия. Наши действительные лица должны откупаться от антисоветской гаяет. Невероятный взрыв хохота смеяется возмущением. Это возмущение направлено, главным образом, против предателей из оппозиции, способных на все в своей слепой ненависти. Это чувство осуждения настолько сильно, что убеждает нескольких колеблющихся.

Вечно дискуссирование (каждый одинаково неверно) Степан и Наль, наконец, исправляется и возмущенные полные антисоветским нравом, они начинают верить. Боговорно подлинная партийная дисциплина. Они закрепляют это обязательство очень характерным действием: разбивают всегадную спутницу их слоров — бутылку вола, возбуждающую их упрямое придерживаться своей аргументации.

Последняя часть фильма должна показать достижения советской власти. Снова здесь мы пригнечем к семье сверху, с аэроплана. Сначала мы приближаемся к земному шару, как бы на невероятно мощном аэроплане, и мы видим, как вырисовываются главные контуры и характерные формы современной жизни современных дел. Крайне Разруха Утладок во всех капиталистических странах. Нищета. Война. Искурительный труд в колониях. 40 миллионов безработных.

Большое место должно быть предостановлено неперотным фактам, уничтожения продуктов земли, и даже продуктов индустрии: крестьянин, сжигавший свои коконы, скашивавший незрелую пшеницу, американский плантатор, зарывающий свой урожай; рыба, бросаема назад в воду, крестьяне, убивающие своих коров и лошадей, горящие стога пшеницы, сжигаемый кофе, и в конце концов укасающая сцена уничтожения американских автомобилей с помощью огромных, специально сконструированных машин. Несколько взглядов на этот «спервернутый вверх дном мир».

«О счастье! — будет буря», столько что променя циклон: надежда! божья

Больше внимания абиссинскому вопросу, война будет ужасна, — так были чужды ли последние слова великого Анри Барбюса.

Барбюс очень много работал. «Писательское ремесло» — это очень трудное ремесло, — часто указывал он. — Упорным трудом достигается «искусство».

Он жаловался, но не жалел. Многообразная и многогранная жизнь Барбюса была целиком поставлена на службу делу победоносной пролетарской революции.

Велика была у Барбюса жажда жизни, неистощимая энергия. Когда утром 22 августа за больным пришла санитарная карета, Барбюс с температурой в 40 градусов отказался ехать на госпиталь и сам спустился к автомобилю.

В больнице Барбюсу было запрещено читать. Чтобы дать какую-нибудь нагрузку мозгу, писатель решил кроссовый.

Все время до последней минуты Барбюс жил интересами сегодняшнего дня. Умирая, в полузабытом, на солнечной койке он спрашивал об абиссинских делах. Славил исторический организм. Но продолжал оставаться напряженным волею, молниеносная неустранимость революционера.

Больше внимания абиссинскому вопросу, война будет ужасна, — так были чужды ли последние слова великого Анри Барбюса.

Барбюс очень много работал. «Писательское ремесло» — это очень трудное ремесло, — часто указывал он. — Упорным трудом достигается «искусство».

Он жаловался, но не жалел. Многообразная и многогранная жизнь Барбюса была целиком поставлена на службу делу победоносной пролетарской революции.

Велика была у Барбюса жажда жизни, неистощимая энергия. Когда утром 22 августа за больным пришла санитарная карета, Барбюс с температурой в 40 градусов отказался ехать на госпиталь и сам спустился к автомобилю.

В больнице Барбюсу было запрещено читать. Чтобы дать какую-нибудь нагрузку мозгу, писатель решил кроссовый.

Все время до последней минуты Барбюс жил интересами сегодняшнего дня. Умирая, в полузабытом, на солнечной койке он спрашивал об абиссинских делах. Славил исторический организм. Но продолжал оставаться напряженным волею, молниеносная неустранимость революционера.

Больше внимания абиссинскому вопросу, война будет ужасна, — так были чужды ли последние слова великого Анри Барбюса.

Барбюс очень много работал. «Писательское ремесло» — это очень трудное ремесло, — часто указывал он. — Упорным трудом достигается «искусство».

Он жаловался, но не жалел. Многообразная и многогранная жизнь Барбюса была целиком поставлена на службу делу победоносной пролетарской революции.

Велика была у Барбюса жажда жизни, неистощимая энергия. Когда утром 22 августа за больным пришла санитарная карета, Барбюс с температурой в 40 градусов отказался ехать на госпиталь и сам спустился к автомобилю.

В больнице Барбюсу было запрещено читать. Чтобы дать какую-нибудь нагрузку мозгу, писатель решил кроссовый.

Все время до последней минуты Барбюс жил интересами сегодняшнего дня. Умирая, в полузабытом, на солнечной койке он спрашивал об абиссинских делах. Славил исторический организм. Но продолжал оставаться напряженным волею, молниеносная неустранимость революционера.

Больше внимания абиссинскому вопросу, война будет ужасна, — так были чужды ли последние слова великого Анри Барбюса.

Барбюс очень много работал. «Писательское ремесло» — это очень трудное ремесло, — часто указывал он. — Упорным трудом достигается «искусство».

Он жаловался, но не жалел. Многообразная и многогранная жизнь Барбюса была целиком поставлена на службу делу победоносной пролетарской революции.

Клеветническая кампания против ряд нечестных положений, вызванных чтением гает. Обобщение единичного факта: где-то в СССР обучился дом. Печатают: в СССР все дома рушатся. Можно также показать европейского журналиста, именно так обрабатывающего получаемые им новости.

Кроме того, из показа этой клеветнической кампании выясняется, что находящиеся за границей члены оппозиции участвуют в ней по мере сил и возможности, включая свой голос в хор ненависти буржуазии против рабочего государства, и пытаются всеми способами дискредитировать и разрушить достижения революции.

Протест трудящихся Советского союза против этой грубой лжи и лицемерия. Наши действительные лица должны откупаться от антисоветской гаяет. Невероятный взрыв хохота смеяется возмущением. Это возмущение направлено, главным образом, против предателей из оппозиции, способных на все в своей слепой ненависти. Это чувство осуждения настолько сильно, что убеждает нескольких колеблющихся.

Вечно дискуссирование (каждый одинаково неверно) Степан и Наль, наконец, исправляется и возмущенные полные антисоветским нравом, они начинают верить. Боговорно подлинная партийная дисциплина. Они закрепляют это обязательство очень характерным действием: разбивают всегадную спутницу их слоров — бутылку вола, возбуждающую их упрямое придерживаться своей аргументации.

Последняя часть фильма должна показать достижения советской власти. Снова здесь мы пригнечем к семье сверху, с аэроплана. Сначала мы приближаемся к земному шару, как бы на невероятно мощном аэроплане, и мы видим, как вырисовываются главные контуры и характерные формы современной жизни современных дел. Крайне Разруха Утладок во всех капиталистических странах. Нищета. Война. Искурительный труд в колониях. 40 миллионов безработных.

Большое место должно быть предостановлено неперотным фактам, уничтожения продуктов земли, и даже продуктов индустрии: крестьянин, сжигавший свои коконы, скашивавший незрелую пшеницу, американский плантатор, зарывающий свой урожай; рыба, бросаема назад в воду, крестьяне, убивающие своих коров и лошадей, горящие стога пшеницы, сжигаемый кофе, и в конце концов укасающая сцена уничтожения американских автомобилей с помощью огромных, специально сконструированных машин. Несколько взглядов на этот «спервернутый вверх дном мир».

«О счастье! — будет буря», столько что променя циклон: надежда! божья

Больше внимания абиссинскому вопросу, война будет ужасна, — так были чужды ли последние слова великого Анри Барбюса.

Барбюс очень много работал. «Писательское ремесло» — это очень трудное ремесло, — часто указывал он. — Упорным трудом достигается «искусство».

Он жаловался, но не жалел. Многообразная и многогранная жизнь Барбюса была целиком поставлена на службу делу победоносной пролетарской революции.

Велика была у Барбюса жажда жизни, неистощимая энергия. Когда утром 22 августа за больным пришла санитарная карета, Барбюс с температурой в 40 градусов отказался ехать на госпиталь и сам спустился к автомобилю.

В больнице Барбюсу было запрещено читать. Чтобы дать какую-нибудь нагрузку мозгу, писатель решил кроссовый.

Все время до последней минуты Барбюс жил интересами сегодняшнего дня. Умирая, в полузабытом, на солнечной койке он спрашивал об абиссинских делах. Славил исторический организм. Но продолжал оставаться напряженным волею, молниеносная неустранимость революционера.

Больше внимания абиссинскому вопросу, война будет ужасна, — так были чужды ли последние слова великого Анри Барбюса.

Барбюс очень много работал. «Писательское ремесло» — это очень трудное ремесло, — часто указывал он. — Упорным трудом достигается «искусство».

Он жаловался, но не жалел. Многообразная и многогранная жизнь Барбюса была целиком поставлена на службу делу победоносной пролетарской революции.

Велика была у Барбюса жажда жизни, неистощимая энергия. Когда утром 22 августа за больным пришла санитарная карета, Барбюс с температурой в 40 градусов отказался ехать на госпиталь и сам спустился к автомобилю.

В больнице Барбюсу было запрещено читать. Чтобы дать какую-нибудь нагрузку мозгу, писатель решил кроссовый.

Все время до последней минуты Барбюс жил интересами сегодняшнего дня. Умирая, в полузабытом, на солнечной койке он спрашивал об абиссинских делах. Славил исторический организм. Но продолжал оставаться напряженным волею, молниеносная неустранимость революционера.

Больше внимания абиссинскому вопросу, война будет ужасна, — так были чужды ли последние слова великого Анри Барбюса.

Барбюс очень много работал. «Писательское ремесло» — это очень трудное ремесло, — часто указывал он. — Упорным трудом достигается «искусство».

Он жаловался, но не жалел. Многообразная и многогранная жизнь Барбюса была целиком поставлена на службу делу победоносной пролетарской революции.

Велика была у Барбюса жажда жизни, неистощимая энергия. Когда утром 22 августа за больным пришла санитарная карета, Барбюс с температурой в 40 градусов отказался ехать на госпиталь и сам спустился к автомобилю.

В больнице Барбюсу было запрещено читать. Чтобы дать какую-нибудь нагрузку мозгу, писатель решил кроссовый.

Все время до последней минуты Барбюс жил интересами сегодняшнего дня. Умирая, в полузабытом, на солнечной койке он спрашивал об абиссинских делах. Славил исторический организм. Но продолжал оставаться напряженным волею, молниеносная неустранимость революционера.

Больше внимания абиссинскому вопросу, война будет ужасна, — так были чужды ли последние слова великого Анри Барбюса.

Барбюс очень много работал. «Писательское ремесло» — это очень трудное ремесло, — часто указывал он. — Упорным трудом достигается «искусство».

Он жаловался, но не жалел. Многообразная и многогранная жизнь Барбюса была целиком поставлена на службу делу победоносной пролетарской революции.

Велика была у Барбюса жажда жизни, неистощимая энергия. Когда утром 22 августа за больным пришла санитарная карета, Барбюс с температурой в 40 градусов отказался ехать на госпиталь и сам спустился к автомобилю.

Клеветническая кампания против ряд нечестных положений, вызванных чтением гает. Обобщение единичного факта: где-то в СССР обучился дом. Печатают: в СССР все дома рушатся. Можно также показать европейского журналиста, именно так обрабатывающего получаемые им новости.

Кроме того, из показа этой клеветнической кампании выясняется, что находящиеся за границей члены оппозиции участвуют в ней по мере сил и возможности, включая свой голос в хор ненависти буржуазии против рабочего государства, и пытаются всеми способами дискредитировать и разрушить достижения революции.

Протест трудящихся Советского союза против этой грубой лжи и лицемерия. Наши действительные лица должны откупаться от антисоветской гаяет. Невероятный взрыв хохота смеяется возмущением. Это возмущение направлено, главным образом, против предателей из оппозиции, способных на все в своей слепой ненависти. Это чувство осуждения настолько сильно, что убеждает нескольких колеблющихся.

Вечно дискуссирование (каждый одинаково неверно) Степан и Наль, наконец, исправляется и возмущенные полные антисоветским нравом, они начинают верить. Боговорно подлинная партийная дисциплина. Они закрепляют это обязательство очень характерным действием: разбивают всегадную спутницу их слоров — бутылку вола, возбуждающую их упрямое придерживаться своей аргументации.

Последняя часть фильма должна показать достижения советской власти. Снова здесь мы пригнечем к семье сверху, с аэроплана. Сначала мы приближаемся к земному шару, как бы на невероятно мощном аэроплане, и мы видим, как вырисовываются главные контуры и характерные формы современной жизни современных дел. Крайне Разруха Утладок во всех капиталистических странах. Нищета. Война. Искурительный труд в колониях. 40 миллионов безработных.

Большое место должно быть предостановлено неперотным фактам, уничтожения продуктов земли, и даже продуктов индустрии: крестьянин, сжигавший свои коконы, скашивавший незрелую пшеницу, американский плантатор, зарывающий свой урожай; рыба, бросаема назад в воду, крестьяне, убивающие своих коров и лошадей, горящие стога пшеницы, сжигаемый кофе, и в конце концов укасающая сцена уничтожения американских автомобилей с помощью огромных, специально сконструированных машин. Несколько взглядов на этот «спервернутый вверх дном мир».

«О счастье! — будет буря», столько что променя циклон: надежда! божья

Больше внимания абиссинскому вопросу, война будет ужасна, — так были чужды ли последние слова великого Анри Барбюса.

Барбюс очень много работал. «Писательское ремесло» — это очень трудное ремесло, — часто указывал он. — Упорным трудом достигается «искусство».

Он жаловался, но не жалел. Многообразная и многогранная жизнь Барбюса была целиком поставлена на службу делу победоносной пролетарской революции.

Велика была у Барбюса жажда жизни, неистощимая энергия. Когда утром 22 августа за больным пришла санитарная карета, Барбюс с температурой в 40 градусов отказался ехать на госпиталь и сам спустился к автомобилю.

В больнице Барбюсу было запрещено читать. Чтобы дать какую-нибудь нагрузку мозгу, писатель решил кроссовый.

Все время до последней минуты Барбюс жил интересами сегодняшнего дня. Умирая, в полузабытом, на солнечной койке он спрашивал об абиссинских делах. Славил исторический организм. Но продолжал оставаться напряженным волею, молниеносная неустранимость революционера.

Больше внимания абиссинскому вопросу, война будет ужасна, — так были чужды ли последние слова великого Анри Барбюса.

Барбюс очень много работал. «Писательское ремесло» — это очень трудное ремесло, — часто указывал он. — Упорным трудом достигается «искусство».

Он жаловался, но не жалел. Многообразная и многогранная жизнь Барбюса была целиком поставлена на службу делу победоносной пролетарской революции.

Велика была у Барбюса жажда жизни, неистощимая энергия. Когда утром 22 августа за больным пришла санитарная карета, Барбюс с температурой в 40 градусов отказался ехать на госпиталь и сам спустился к автомобилю.

В больнице Барбюсу было запрещено читать. Чтобы дать какую-нибудь нагрузку мозгу, писатель решил кроссовый.

Все время до последней минуты Барбюс жил интересами сегодняшнего дня. Умирая, в полузабытом, на солнечной койке он спрашивал об абиссинских делах. Славил исторический организм. Но продолжал оставаться напряженным волею, молниеносная неустранимость революционера.

Больше внимания абиссинскому вопросу, война будет ужасна, — так были чужды ли последние слова великого Анри Барбюса.

Барбюс очень много работал. «Писательское ремесло» — это очень трудное ремесло, — часто указывал он. — Упорным трудом достигается «искусство».

Он жаловался, но не жалел. Многообразная и многогранная жизнь Барбюса была целиком поставлена на службу делу победоносной пролетарской революции.

Велика была у Барбюса жажда жизни, неистощимая энергия. Когда утром 22 августа за больным пришла санитарная карета, Барбюс с температурой в 40 градусов отказался ехать на госпиталь и сам спустился к автомобилю.

В больнице Барбюсу было запрещено читать. Чтобы дать какую-нибудь нагрузку мозгу, писатель решил кроссовый.

Все время до последней минуты Барбюс жил интересами сегодняшнего дня. Умирая, в полузабытом, на солнеч

АЛЬМАНАХ „ГОД XVIII“

Альманах № 6 открывает интересную повесть «О счастье» — первым литературным произведением Галины Грековой...

И быстрым разумом Невтону Российская земля родила... Повесть Г. Грековой — это правдивая история женщины-батырки...

Я тоже фабрика. А если без труба, То может мне без труба труднее... Герой нашего времени...

Неудивительно поэтому, что в советской литературе последнего времени такую большую роль играют изображения дней жизни автора...

На отрывках В. Федоровича («Железные отряды») и «Слово на чистоте»... следует остановиться подробнее.

Отрывка повестуют об участии казачьих рабочих (ныне Фабрика «Красный Перекоп» в Ярославле) в Октябрьской революции...

Рассказ ватерпачи той же фабрики Минютерры Соловьевой о своем участии в революции перекликается с повестью Г. Грековой...

Другой сподвижник Пугачева — Алексей Дубровский — секретарь военной коллегии...

И не можем не привести здесь отрывки из той части отрывка Шунякина, которая изображает эскизную провинциальную рабочую («Главы «Зеленая улица», стр. 202»).

И международному конгрессу по изучению Ирана. Издательство «Академия» выпускает «Ирану» Хафеза и «Веселый сад» Джами...

«Урал дает казачкой и башкирской стени в русской деревне оружие и порох, мастеровой, воинский люд: людей, отивающих пушки, в людей, стреляющих из них, людей, орудующих лопатой и топором...

Рабочие люди, приниженные крестьяне сбиваются в отряды. Их собирает и ведет в пугачевскую армию Хлопуша. Это был крепостной мужик...

Тут эскизнику прекращают. Человек лежит на тачке почти без движения. Снизу ему обливает известной водой и начинают отдирают и куски дерева, прилипшие к мясу...

Мне не останавливаясь на «Воспоминаниях о Магнитке» Е. Гутеля, я на большом очерке Н. Старова о доменщике Маковского завода...

Вот почему скромная по своим литературным достоинствам повесть Кулаева «Еврей Ошук» важна для нас тем, что в ней, помимо быта, с излюбленной натуралистичностью...

«С. Кулаев. «Золотая руда». Рассказы Первого о советском Закавказье. Тифлис. 1935 г. Тираж 10.000, стр. 130.

На эскизнику в полной форме является начальство... Под конвоем приводит осужденного рабочего Тут начинается мертвая тишина...

Вот раздалась команда. Стоявший в начале шеренги барабанщик начал бить мелкой дробью Эскузия началась...

Потом показанного везут в госпиталь, и летит, пока не заживут и спине раны... А когда залечат раны, снова ведут на зеленую улицу...

Сильно бил одного рабочего за побег. Его звали Ильшана. Дали 3000 ударов... Мне не останавливаясь на «Воспоминаниях о Магнитке» Е. Гутеля...

Вот почему скромная по своим литературным достоинствам повесть Кулаева «Еврей Ошук» важна для нас тем, что в ней, помимо быта, с излюбленной натуралистичностью...

«С. Кулаев. «Золотая руда». Рассказы Первого о советском Закавказье. Тифлис. 1935 г. Тираж 10.000, стр. 130.

„Золотая руда“*

На трех новеллах: «Еврей Ошук», «Железный великан» и «Золотая руда» можно проследить, как автор от рассказа в рассказе преодолел схематизм в описании людей и в изображении действительности...



Произведения устного народного творчества не имеют автора, народный эпос — былинный фольклор — без фамилии. В этом смысле песни доверья и нецензурные Ф. Дурлова...

Вот почему скромная по своим литературным достоинствам повесть Кулаева «Еврей Ошук» важна для нас тем, что в ней, помимо быта, с излюбленной натуралистичностью...

«С. Кулаев. «Золотая руда». Рассказы Первого о советском Закавказье. Тифлис. 1935 г. Тираж 10.000, стр. 130.

ных, так и новых еврейских писателей Украины и Белоруссии. Это совпадение объясняется, как нам думается, не литературным влиянием...

В «Золотой руде» — новелле композиционно немного рыхлой — Кулаев показывает начальника политехника Эзю, неспешно и надменно работающего над изгнанным быт-культурой и болтовней. Это очень хорошо, что писатель центрального героя своих творческих замыслов берет за основу не только факты, но и поэтическое и законное стремление к политехническому мастерству...

Произведения устного народного творчества не имеют автора, народный эпос — былинный фольклор — без фамилии. В этом смысле песни доверья и нецензурные Ф. Дурлова...

Вот почему скромная по своим литературным достоинствам повесть Кулаева «Еврей Ошук» важна для нас тем, что в ней, помимо быта, с излюбленной натуралистичностью...

«С. Кулаев. «Золотая руда». Рассказы Первого о советском Закавказье. Тифлис. 1935 г. Тираж 10.000, стр. 130.



Подвигами часть соборного северного фольклора — поспе октября того происхождения и даже более того — имеет теми факты последних семи-восьми лет. В одной таджикской легенде говорится: «Ленин дал газетам право петь о чем угодно, и они сразу заехали на Ленин»...

Произведения устного народного творчества не имеют автора, народный эпос — былинный фольклор — без фамилии. В этом смысле песни доверья и нецензурные Ф. Дурлова...

Вот почему скромная по своим литературным достоинствам повесть Кулаева «Еврей Ошук» важна для нас тем, что в ней, помимо быта, с излюбленной натуралистичностью...

«С. Кулаев. «Золотая руда». Рассказы Первого о советском Закавказье. Тифлис. 1935 г. Тираж 10.000, стр. 130.

Избранные стихи Дмитрия Петровского

Д. МИРСКИЙ

Мы не очень хорошо ведем свое поэтическое хозяйство, и учет наших поэтических кадров не во всем удовлетворителен. Иногда второстепенные литераторы ходят в признанных поэтов, а действительно замечательные поэты оказываются забыты и долгими годами не переводятся...

Поэзия Петровского стихийна и в известном смысле анархична. Как поэзия Маяковского, так и поэзия Пастернака, при всей своей лирической страстности, глубоко обдумана и «предумывлена».

У Петровского этой сознательности и систематической работы не видно. Поэзия его непосредственна, стихийна, но не свободна. Не непосредственность и стихийность Петровского очень далеки от того, что может казаться также непосредственностью и стихийностью в Есенине. Ученик Хлебникова и того плодотворного формального брожения, которое пережила русская поэзия в двадцатые годы, он соединяет величайшую непосредственность с органической сложностью и изощренностью поэтического мышления.

«Очанок» выплывает по ночам, И в могиле лютуетант о нем молчал.

Песня червонных казачок и Расстрелянный Шмидта построены по принципу лирического наизыпания строф. Но есть у Петровского и другие фольклорные вещи, гораздо более «обработанные», основанные на раскрытии одного законченного центрального образа.

Бурка, пахнувшая мылом Загнанного мною коня, Помнишь ты все то, что было, — Не спешь ли про меня?

В Черноморской тетради есть целый ряд вещей, принадлежащих к лучшему из созданного советской поэзией о революционном прошлом России. Достаточно назвать Потемкин, Потемкинцы (уход в Румынию), Труп Вакуличука на одесском мосту, особенно Казнь Матюшенко — включительно сильное выражение героизма революционера перед лицом смерти.

«Очанок» выплывает по ночам, И в могиле лютуетант о нем молчал.

Песня червонных казачок и Расстрелянный Шмидта построены по принципу лирического наизыпания строф. Но есть у Петровского и другие фольклорные вещи, гораздо более «обработанные», основанные на раскрытии одного законченного центрального образа.

Бурка, пахнувшая мылом Загнанного мною коня, Помнишь ты все то, что было, — Не спешь ли про меня?

В Черноморской тетради есть целый ряд вещей, принадлежащих к лучшему из созданного советской поэзией о революционном прошлом России. Достаточно назвать Потемкин, Потемкинцы (уход в Румынию), Труп Вакуличука на одесском мосту, особенно Казнь Матюшенко — включительно сильное выражение героизма революционера перед лицом смерти.

«Очанок» выплывает по ночам, И в могиле лютуетант о нем молчал.

Песня червонных казачок и Расстрелянный Шмидта построены по принципу лирического наизыпания строф. Но есть у Петровского и другие фольклорные вещи, гораздо более «обработанные», основанные на раскрытии одного законченного центрального образа.

Бурка, пахнувшая мылом Загнанного мною коня, Помнишь ты все то, что было, — Не спешь ли про меня?

В Черноморской тетради есть целый ряд вещей, принадлежащих к лучшему из созданного советской поэзией о революционном прошлом России. Достаточно назвать Потемкин, Потемкинцы (уход в Румынию), Труп Вакуличука на одесском мосту, особенно Казнь Матюшенко — включительно сильное выражение героизма революционера перед лицом смерти.

